

УДК 38.016:81

Сенкевич Василий Иванович

Профессор кафедры белорусского и русского языков с методикой преподавания Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, г. Брест
sienkiewiczw@tut.by

РЕАЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И НОРМАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Аннотация: Вскрывается противоречие между нормативным преподаванием языка, построенным на аналитической парадигме, и реальным языкознанием, ориентированным на изучение языка как культурной институции и идеологического института. Доказывается абсурдность распространения формально-грамматического аппарата на синтетические продукты речевой деятельности, а также неправомерность подмены концептов и категорий субстанции языковой формой.

Ключевые слова: Язык-утопия, анализ, высказывание, речевая интеракция, институциональность.

Senkevich Vasiliy

Professor, Department of the Belarusian and Russian Languages and Methods of Teaching, Brest State University named after A.S. Pushkin, Brest

REAL LINGUISTICS AND NORMATIVE LANGUAGE TEACHING FUNCTIONAL PARADIGM

Abstract: The article reveals the contradiction between the normative language teaching, built on analytical paradigm and real linguistics focused on the study of language as a cultural institution and an ideological institute. The thesis claims to prove the absurdity of the application of the formal grammatical pattern to the production of synthetic speech activity, as well as the inappropriateness of the substitution of concepts and substance categories by linguistic form.

Keywords: Language-utopia, analysis, utterance, speech interaction, institutionality.

В 70-е годы XX в. века профессор А.П. Журавлев говорил о том, что школа и вуз только и знают, что учить разбирать слова, анализировать предложения, вычленять аффиксы и т.д. [1, с. 35]. Это мертвые знания и не связанные с реальным опытом умения. Они не имеют отношения к реальному языкознанию. Оторванная от жизненных фактов и происходящих событий нормативная грамматика схоластична и лишена каких-либо позитивных качеств. Ее предметом является язык, определяемый как важнейшее средство человеческого общения.

Язык, в котором есть только общее и который определяется как средство общения, – утопия. Этот язык не причастен к бытию (не осуществляется) и несобытиен (не происходит). В нем отчуждена собственность. А именно частную собственность Томас Мор рассматривал как главную причину всех социальных бедствий. («Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», 1516).

Грамматика этого языка, описывая правильный грамматический строй, представляет собой разновидность полезного утопического знания. Этот язык обслуживает потребности общества и соответствует потребительскому принципу «купи-продай», лишенному индивидуальной изобретательности и субъективного предпринимательства. «На рынке, – пишет А.М. Пешковский, – каждый приноравливается к так называемой рыночной цене, стараясь купить не дороже, а продать не дешевле этой цены. Все мы, чтобы нас понимали, должны равняться в нашей языковой деятельности по окружающим, должны говорить, как все» [2, с. 61].

Грамматика нормативного языка пытается анализировать то, что не подлежит анализу, но предусматривает констатацию и интерпретацию – реальный факт. Так, например, утверждается, что глагол умереть является

глаголом совершенного вида: Иван (что сделал?) умер. Безупречный с точки зрения грамматики вопрос звучит абсурдно: человек по имени Иван ничего не делал. Факт смерти не относится к миру причины и следствия. Говорящему самому приходится решать – факт или не факт? Языковая институционализация факта осуществляется в речевом акте констатации (от лат. *constat* – известно). Никакого отношения к знанию, которое пытается навязать нормативная грамматика, подобная фактографическая констатация не имеет.

Какая грамматическая основа в предложении Я тебя люблю? Такой вопрос вполне приемлем для описательной грамматики. Однако здесь речь не о предложении, а о высказывании. Высказывание индивидуализировано – непременно «чье». Оно не имеет аналитической природы, а потому его нельзя разбирать как грамматическую структуру.

Описательная грамматика знает преимущественно разборы, выделяет разряды, подразряды и т.д. «Преобладание анализа, – пишет философ Н.Ф. Федоров, – связано с подсознательным и сознательным согласием на смерть. Сама смерть – главный и радикальный анализатор» [3, с. 16]. Все можно поделить, кроме одного – неделимого (т.е. индивидуального, «чьего»).

Вероятно, не существует более утопического и чуждого живому языку вузовского предмета как «Лингвистический анализ текста». Анализ несовместим с текстом. Слово текст переводится как «ткань». Ткань бывает живая (органическая) и синтетическая. Аналитической ткани не бывает. Текст – категория синтетическая. Текст «чей», так как предусматривает чье-либо авторство.

Нет смысла в грамматическом анализе поэзии. Так, в поэтической строке «Я вас любил...» (А.С. Пушкин) отсутствует сообщение о любви и, следовательно, свойство коммуникативности. Поэзия информативна. Поэт воскрешает в памяти то, что «угасло не совсем». Читатель знакомится с воспоминанием, становится причастным к поэтическому переживанию. Поэзия не обходится без посвящения (инициации). О каком-то знании говорить здесь не приходится. Знание не информативно и не связано со смыслом и переживанием реальности.

Лингвистика XIX века, начиная с В. Гумбольдта, трактовала язык общения с его коммуникативной функцией как язык посторонний. Его нет в реальном внутреннем локусе «здесь» («Посторонним вход «сюда» воспрещен»). Он всегда «там» – за горизонтом актуальности. Сущность языка в осмыслении мира и в независимом от общения становлении мысли. Вот гумбольдтовская формула: «Вовсе не касаясь нужды сообщения между людьми, язык был бы необходимым обстоятельством мышления для человека даже при всегдашнем его одиночестве» [4, с. 51].

Язык есть культурная институция («лоно культуры») и идеологический институт («дом бытия») (По М. Хайдеггеру). Выступая культурной

институцией, язык комбинирует и легитимизирует индивидуальную реальность говорящих. Это его этическая интерактивная сущность. Будучи идеологическим институтом, язык конструирует и удостоверяет социальную реальность актантов речи. Это его эмическая трансактивная суть. Благодаря языку человек в жизни выступает в качестве великого комбинатора и не лишен шанса стать гениальным конструктором.

Язык есть путь нахождения (локализации) себя как индивида между всего прочего и способ позиционирования собственной личности среди других. Житие «мое» и бытие «наше» локализуется «между» и дислоцируется «среди». Оно есть внутренняя область и закрытая зона – узуальное и каноническое. Все остальное, на что направлено предметное сознание, – не «мое» и не «наше». Его нет, но оно может казаться привлекательным и располагающим, примерным и успешным. Оно может дать положительный пример, однако в качестве образца не подходит. Тем не менее, большинство самоубийственно живет и прекрасно себя чувствует в мире, которого нет, и успешно использует для общения такой же небытийный язык.

Хосе Ортега-и-Гассет выразил понимание жизни в формуле: «Я есмь Я и мои обстоятельства». Воплощение этой формулы находим в имени и фамилии, в символике точки и линии, в e-mail, и даже в эмоциональном выражении досады «Ё-маё». С этими двумя уровнями жития-бытия – абсолютно-личностным (быть) и локально-обстоятельствственным (находиться) – совпадает и идентифицирует себя реальный язык.

Стяжать и укрепить власть человека на земле, обрести и поднять на должный уровень достоинство людей – вот тактика и стратегия причастного к бытию языка. Человеку нужно честное слово, люди не обходятся без достойного ИМЕНИ. Все остальное – «общие места»; реально они не существуют, номинально их нет.

На имманентном уровне язык выступает в качестве органа человеческой власти. В окказиональном (ситуативном) бытии человек познает себя как индивидуальность через владение. Однако владеть не значит иметь. Так, из того, что у человека есть голова, не следует, что он ее имеет как наличное. Ситуация «У меня есть...» парадоксальная. У нас нет того, что мы имеем (или, наоборот, мы не имеем того, что у нас есть). Аналогично обстоит дело и с языком. Язык есть и им владеют. Способность владения проявляется в говорении. Кто-то говорит пофранцузски, по-немецки и т.п. Ребенок начинает говорить на втором году от рождения. Язык как орган, которым человек владеет, послушен ему. Он необходимо причастен к существованию того, кто им владеет и оказывается неотъемлемым обстоятельством его индивидуального существования.

Однако говорить каким-то языком не значит иметь его в пользовании. Язык как орган говорения не предназначен для использования. Другое дело – разговаривать. В разговоре язык используется как средство. «Они не разговаривают» – значит, не общаются друг с другом. У разговаривающих может быть много общего; оно их сближает, но не объединяет. В разговоре человек «другой». В процессе же говорения-слушания «другой» не присутствует. Слушатель и читатель – непременно «мой» слушатель и «мой» читатель. Благодаря ему личность «я» осуществляется в качестве автора слова – говорящего или пишущего.

Интегрирующее «моно» говорения нивелируется разговором. Два разговаривают, а двое говорят. Собирательность объединяет, а идея числа разделяет. Один, два – это отдельность и приблизительность. Первый, второй – это порядок. Находящиеся вдвоем, втроем и т.п. мыслятся нераздельно. Между ними отсутствуют отношения порядка, однако они организованы («собраны»). Двойка – не число 2, а пара. Из того, что говорят двое, трое, четверо и т.п. между собой, не следует, что они разговаривают друг с другом. Говорить или разговаривать – то же, что «быть» (в смысле «находиться») или «не быть».

Говорим мы «здесь», а разговариваем «там». («Что вы там разговариваете»). «Там» – место, где меня нет. Если я там, то у меня есть алиби, что я не здесь. В разговоре мы присутствуем, однако в нем не находимся. Разговор – «присутственное», «общее (нездешнее) место». В разговоре (общении) человек ведет себя «как не родной», использует «не мой», отчужденный от него язык.

Говорение – вербальная культурная интеракция («междусобойчик»). Говорящие – акционеры, вносящие смысловую долю в раскрытие темы беседы. Благодаря говорению «акции» собеседников в понимании того, о чем они говорят, растут или падают. В разговоре же востребована, в первую очередь, вежливость, а не культура. Разговаривающие друг с другом располагаются вне поля культуры.

Базовым смыслом в культуре говорения (как и в любой культуре) становится смысл «между» («интер»). То, что находится где-то, непременно находится «между» всего прочего. Находящееся «между» не имеет предметного значения. Главное, чтобы «между» ничего не было («Między nami nic nie było...», Adam Asnyk). Предметное «было» («Это было») находится за горизонтом актуального бытия. Оно неудобное, неуместное, случайное, неприятное. Бывшее «это» и определенное «такое» воспринимается в локусе «здесь» как инородное («Этого здесь еще не хватало!»).

Общение – одна из потребностей человека. Эта потребность удовлетворяется посредством разговора. Говорение же не потребность, но нужда, способ самореализации. Человеку нужно поговорить, выговориться. В городе холостяки нарочно ходят в баню и в рестораны, чтобы только

поговорить... (А.П. Чехов. О любви). Говорящий находится (буквально «находит себя») в активной живительной среде под названием «говорение». Без нее человек только живое существо – животное со всеми своими рефлексамии.

Потребность удовлетворяется, а нужда справляется. Глагол править и его дериваты обладают широким смысловым спектром. Править – царствовать. Справный – значит «на ходу», «не испорченный». Без справности (ловкости) не обходится никакая деятельность, в том числе говорение и письмо. Справность – способность к деятельности. Применительно к говорению и письму эта способность называется грамотностью (пол. *poprawność*). Грамотность – совпадение с образцом (обычаем, эталоном). Грамотных не столько интересует «Как правильно?», сколько они озадачены вопросом «*Jaki wyraz jest właściwy?*». Правильность же знает пример, а не образец.

Общение в форме разговора совершается для того, чтобы с кем-то поделиться новостью («Что у вас нового?»). Новое не причастно бытию. («Ничто не ново под луной»). Всем можно поделиться, кроме одного – неделимого. Разговор основан на принципе производства и потребления. Поделиться с кем-то – значит дать («А давайте...»). Общаясь, один что-то дает знать другому, другой берет (присваивает) знание. Говорящие же не общаются, не строят друг с другом отношений, ничем не делятся. Они находятся в нераздельном контакте, т.е. образуют некую целостность.

Говорение есть путь от знания к пониманию. «Это похоже на парадокс. Относительно того, что мы знаем, мы нуждаемся, чтобы не знать это. Поскольку чем больше мы знаем, тем меньше мы думаем. Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся» [5, с. 12].

Говорение продуктивно; его продукт обладает качеством. Этот продукт называется текстом. Текст как продукт словесного промысла погружает читателя в реальность, втягивает его «в курс» дела. «Быть в курсе» – не означает что-то знать. Этим выражением свидетельствуется момент осведомленности кого-либо в чем-либо. Разговор же, наоборот, отвлекает. Увлеченный человек не втянут в дело. Он «не в теме». Так, аудитория – место, где слушают и говорят. Разговаривать в аудитории неуместно (неэтично).

Превращение языка из органа (инструмента) в средство общего пользования есть его падение. Как важнейшее средство человеческого общения язык лишен «смака» и смысла жизни; в нем теряется идея бытия.

Язык в первобытном состоянии – культурная среда индивида. Именно таким был язык рая. Уже в первой книге Библии записано: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Бытие, 11:1). «Тот язык, – пишет К. Аксаков, – которым Адам в раю назвал весь мир, был один настоящий для человека; но человек не сохранил первоначального блаженного единства первоначальной чистоты, для того необходимой. Падшее человечество, утратив первобытное и

стремясь к новому высшему единству, пошло блуждать разными путями: сознание, одно и общее, облеклось различными призматическими туманами, различно преломляющими его светлые лучи, и стало различно проявляться История языка должна быть историей его падения. По-видимому, это подтверждается фактами: чем древнее флектирующий язык, тем он поэтичнее, богаче звуками и грамматическими формами» [6, с. 3].

Человечество утратило мудрость, дарованную ему изначально, а вместе с ней и качества перевозданного языка. Допустимо говорить о «языке до грехопадения» и о «падшем» – другом языке. Язык как средство общения – альтернатива языка, понимаемого как «интимное лоно культуры» (М. Хайдеггер). Первый язык есть «способность выражать понятия членораздельными звуками» [7, с. 10]. Эта способность врожденная: «язык открылся первым людям посредством собственной их природы» [7, с. 11]. Второй язык – не способность, но возможность человека передавать определенное ментальное содержание.

Пользователи языка озабочены двумя пошлыми (т.к. «исстари пошли») вопросами: «Что делать?» и «Кто виноват?». Носители языка озадачены собственной идентичностью и самобытностью пути: «Кто мы?» и «Куда идем?». Итак, допускаем существование языка культуры и права, «обретенного в обычаях и правах» (Ф. Ницше) и выступающего в разных версиях в институтах культуры и в правовых институтах, и языка, имеющего различные функциональные варианты, обслуживающие социально дифференцированные слои общества. Благодаря первому языку осуществляется индивидуальность («мое») и становится субстанция личности («Я»); второй язык служит для совершенствования человека и формирования его как полезного члена общества. Второй язык не обладает качеством реальности. Он утопичен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замдеева, З.А. К вопросу о языковой культуре и путях ее сохранения / З.А. Замдеева // Котляревские чтения 2013: актуальные вопросы развития филологической культуры в современной России и методики преподавания филологических дисциплин. – Чебоксары, 2013. – С. 51–54.
2. Пешковский, А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / А.М. Пешковский // Избранные труды. – М., 1959. – С. 50–62.
3. Федоров, Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф.Федоров. Т.1. – М., 2003.
4. Гумбольдт, В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человечества / В. Гумбольдт. – СПб., 1859.
5. Кохан, В. Есть ли место философии в деятельности учителя / В. Кохан // Учитель наедине с собой. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 10–16.
6. Аксаков, К. Опыт русской грамматики / К. Аксаков – М., 2011.
7. Потебня, А. Мысль и язык / А. Потебня. – Киев, 1993.